

Величайшее негодованіе г. Барсова возбуждаютъ мнѣнія тѣхъ изъ новѣйшихъ критиковъ, которые считаютъ испорченной самую послѣдовательность текста и предполагаютъ, что онъ былъ различнымъ образомъ искаженъ переписчиками, сдѣлавшими пропуски или внешними постороннія вставки, или даже переплетчиками, спутавшими самыя листы. Г. Барсовъ возстаетъ противъ подобнаго предположенія какъ противъ настоящаго оскорбленія святыни: думать такъ могутъ только тѣ, кто не умѣетъ вникнуть въ художественное построение этого геніальнаго произведенія и прилагаетъ къ нему только узкія требованія прозаической послѣдовательности; но „Слово“ не есть лѣтописный разсказъ, — авторъ его писалъ о событіяхъ, слишкомъ близкихъ современникамъ, и полетъ его фантазіи не былъ связанъ тѣми соображеніями, какія представляются позднему читателю. „Слово“ надо понимать въ условіяхъ времени и въ условіяхъ тогдашняго поэтическаго творчества и надо помнить, что мы имѣемъ передъ собой художественное созданіе, и тогда оно представится именно цѣльнымъ и законченнымъ, не нуждающимся ни въ какихъ прибавкахъ, перестановкахъ и исключеніяхъ. Въ этомъ взглядѣ, проходящемъ черезъ все изслѣдованіе г. Барсова, можетъ быть большая доля правды. Къ сожалѣнію, порча памятника, оставшагося единственнымъ въ своемъ родѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Самъ г. Барсовъ, положившій много труда на истолкованіе его темныхъ мѣстъ, долженъ былъ не разъ сознаваться въ трудности добиться смысла въ нѣкоторыхъ подобныхъ мѣстахъ, и напр. замѣчаетъ однажды съ отчаяніемъ: „мѣсто это одно изъ самыхъ труднѣйшихъ; оно всегда было крестомъ для умовъ и до нынѣ служить поношеніемъ для толковниковъ“ (II, стр. 290). Если такъ, то возможно ли слишкомъ сурово относиться къ тѣмъ толкователямъ, которымъ приходила мысль о порчѣ текста или вставками глоссаторовъ, или пропусками невнимательныхъ переписчиковъ. Что и то и другое было совершенно возможно, это извѣстно всѣмъ, кто имѣлъ дѣло со старыми рукописями: нѣтъ произведенія, существующаго въ нѣсколькихъ спискахъ, гдѣ бы эти списки не представляли болѣе или менѣе важныхъ варіантовъ; и если эти произведенія ходили по рукописямъ нѣсколько столѣтій, то варіанты иной разъ такъ далеко отступаютъ отъ перваго оригинала, что изслѣдователямъ памятника приходится принимать для него нѣсколько такъ-называемыхъ „редакцій“. Списокъ, по которому извѣстно „Слово о Полку Игоревѣ“, относятъ съ большими вѣроятіями къ XVI-му вѣку: вѣроятно ли, чтобы съ конца XII-го вѣка, къ которому надо отнести возникновеніе памятника, и до XVI-го столѣтія онъ имѣлъ привилегію остаться неприкосновеннымъ въ своемъ